

«Если вы зачитывались романами
Стига Ларссона и Ю Несбё – эта книга для вас!
Если вас не шокирует откровенность
«50 оттенков серого» – прочитайте эту книгу!»

Öppna TV Stockholm

«Этот роман заслужил честь стоять на одной книжной полке с «50 оттенками серого» и «Девушкой с татуировкой дракона». Героиня Эвы Хансен не уступит Лисбет Саландер и Анастейше Стил ни в любви, ни в расследовании жестоких убийств».

Svensk Litterär marknad

ЛАТЕКС

цвет боли

«Роскошный эротический детектив,
который вы будете читать взахлеб,
строя тысячи предположений
и убеждаясь, что снова не угадали...»

Göteborg Vitterhetsuänner

ЭВА ХАНСЕН

18+

Цвет боли

Эва Хансен

Цвет боли: латекс

«Яуза»

2015

Хансен Э.

Цвет боли: латекс / Э. Хансен — «Яуза», 2015 — (Цвет боли)

ISBN 978-5-699-77248-3

«Если вы зачитывались романами Стига Ларссона и Ю Несбё – эта книга для вас! Если вас не шокирует откровенность «50 оттенков серого» – прочитайте эту книгу!» ÖppnaTV Stockholm «Этот роман заслужил честь стоять на одной книжной полке с «50 оттенками серого» и «Девушкой с татуировкой дракона». Героиня Эвы Хансен не уступит Лисбет Саландер и Анастейше Стил ни в любви, ни в расследовании жестоких убийств». Svensk Litterär marknad «Роскошный эротический детектив, который вы будете читать взахлеб, строя тысячи предположений и убеждаясь, что снова не угадали...» Göteborg Vitterhetsvännen Самый болезненный удар наносит тот, от кого не ждешь. Самый опасный преступник – тот, на кого никогда бы не подумал... Расследуя новое убийство, Линн Линдберг придется проникнуть на самое дно подпольного мира БДСМ, где процветает сексуальное рабство и кровавое снафф-видео. Почувствовав пресыщение и охлаждение любимого мужа, она впервые отважится взять на себя роль Топа. Но поможет ли новая БДСМ-практика преодолеть кризис ее брака?..

ISBN 978-5-699-77248-3

© Хансен Э., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Не все хорошо начинается	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эва Хансен

Цвет боли. ЛАТЕКС

В оформлении обложки использована фотография: PawelSierakowski / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Эва Хансен, 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Не все хорошо начинается

Тугие струи душа били по телу, успокаивая и возбуждая одновременно.

Как такое возможно?

У Бритт все возможно. Горячая вода всегда расслабляла ее, а прикосновение капелек к разгоряченной вовсе не ванной коже напоминало о том, что происходило до водных процедур.

Девушка любила принимать ванну, включив музыку и открыв воду так, чтобы хлестала из крана во все стороны, и только потом вставать под душ. Конечно, Густав ворчал, что она расходует немыслимое количество воды, как ворчала и Линн, когда они вместе жили в арендованной квартире на Седре.

Линн еще ворчала на то, что подруга никогда не берет с собой мобильный телефон, из-за чего дозвониться ей невозможно. К чему брать, если из-за музыки, шума воды и собственного неслабого голоса Бритт, распеваящей песни, звонок все равно не слышно?

Вот и сейчас она в больших наушниках в полный голос орала «О, Хаббл Бабл» подпевая дуэту семидесятых годов «ПИПС» и страшно досадуя, что Густав не торопится присоединиться и тоже нырнуть в большую ванну. Обычно он так и поступал, и действие из спальни плавно перетекало в ванную, потом снова переносилось в спальню... потом следовал просто душ, и к утру Густав был ни на что не похож, приходилось взбадриваться большой кружкой крепчайшего кофе.

– Слабые нынче мужики пошли! – Бритт изо всех сил шлепнула рукой по воде, но плотная пена погасила брызги. – Вот бабушка рассказывала...

Ее бабушка в далекой Калифорнии действительно рассказывала нечто невообразимое о своих любовниках, которые совершали «подвиги» по несколько раз каждую ночь! Наверное, все дело в том, что у Густава северный темперамент, – решила для себя Бритт и с силой выдернула пробку из ванны, сидеть в пене до утра в ожидании задремавшего мужа глупо.

Она встала под душ, но и тогда Густав не присоединился.

– Ну, погоди! Подойдешь ты ко мне...

Раздосадованная Бритт обернулась большим полотенцем, замотала вторым голову и взялась за ручку двери.

Но ванная оказалась запертой, ручка не поворачивалась. Чтобы Бритт не могла закрыться от него, когда принимала ванну, Густав просто снял замок внутри, но оставил снаружи. Конечно, в доме был второй санузел, где все в порядке, но там только душевая кабина, потому Бритт предпочитала этот. К тому же она никогда не была против появления в ванной мужа.

Пару мгновений Бритт дергала ручку, но быстро убедилась, что это ни к чему не приводит и довольнo рассмеялась себе под нос: вот почему Густав не пришел! Постучала в дверь, прислушалась.

– Густав... ну, Густав... – Никакой реакции. – Густав, я больше не буду... я хорошая... выпусти девочку из ванной... я буду послушной...

Снова прислушалась...

Он заснул?! Но это наглость – запереть ее в ванной и уснуть! Вообще наглость уснуть, пока она не спит, а оставив в таком дурацком положении, тем более.

Бритт заколотила в дверь:

– Эй! А ну открой!

Но в ответ, ни звука.

Сьеберг не мог быть столь бессовестным, он же прекрасно понимал, что последует за такой выходкой.

Бритт сделала последнюю попытку докричаться. Бесполезно. В сердце заполз неприятный холодок, у Густава что-то случилось после того, как он запер дверь ванной!

– Так... главное, не паниковать... может, он вообще застрял в туалете?

Стало смешно, хотя холодок никуда не делся. Чтобы успокоиться, Бритт достала фен и принялась сушить волосы, напевая. Пусть когда выползет из туалета, услышит, что она вовсе не расстроена, но выхода грозит ему отлучением на несколько дней.

Вдруг сквозь шум фена Бритт послышалось, будто замок щелкнул. Хм... она не будет торопиться, пусть теперь Густав ждет. О том, что он ждал последние полтора часа, пока она нежилась в пене, принимала душ и сушила волосы, Бритт не думала.

Минут через двадцать, убедившись, что выглядит сногшибательно, снова тронула ручку двери. На сей раз та повернулась и дверь открылась. В этой части дома темно... Странно, потому что Густав не меньше самой Бритт любил яркий свет. Внизу открылась и закрылась боковая входная дверь, и тут же послышался шум отъезжающей машины.

Куда это он отправился посреди ночи? Если так, ее ждет очередной сюрприз, а сюрпризы Густав устраивать мастер.

Но беспокойство почему-то усиливалось. Бритт и сама не смогла бы объяснить, почему ей так тревожно, даже жутковато.

– Густав?.. Густав, ты где?

Какой смысл звать мужа, если слышала, как его машина отъезжает от дома? И все же она звала, потому что все существо уже охватил страх на грани паники. Какие шутки, Густав никогда не стал бы запирасть ее в ванной, скорее зашел бы туда сам!

В комнате, где они занимались БДСМ, горел свет. С бешено бьющимся сердцем Бритт переступила порог и...

В ответ на ее визг в соседнем доме зажглось окно, потом еще одно, но Бритт ничего этого не видела, она стояла, схватившись за горло и в ужасе распахнув глаза.

На распятии, которое обычно предназначалось для нее, висел Густав Сьеберг, вернее, то, что от него осталось! Во лбу аккуратная дыра от пули, а ниже... О боже! То, чем Густав так гордился, было отрезано под корень, причем, отрезано при жизни, кровь залила все вокруг. Во рту у мужа Бритт кляп, руки и ноги закованы в металлические наручники и поножи.

Линн проснулась от звонка телефона Ларса, муж попытался с кем-то говорить, прикрывая трубку рукой, но это плохо получалось. К тому же Линн узнала голос собственной близкой подруги, Бритт, которая, захлебываясь слезами, что-то кричала о Густаве.

Поняв, что Линн уже не спит, Ларс перестал прикрывать трубку рукой, и попытался взвезуть их подругу:

– Бритт, послушай меня, – голос строгий, командный, но Ларс прав, Бритт в истерике, успокоить ее хотя бы на время можно только так, – ничего там не трогай и немедленно вызови полицию.

– Я... не виновата-а... – Душащие подругу рыдания, которые она старательно сдерживала, наконец прорвались настоящим ревом.

– Никто тебя ни в чем не обвинит. Вызови полицию. Я сейчас приеду. – Глянув на одевающуюся жену, уточнил: – Мы с Линн сейчас приедем. Только ничего не трогай и позвони в полицию.

– Я не могу... лучше ты... – Бритт икала и хлопала, чего с ней никогда в жизни не бывало, во всяком случае, друзья такого не только не видели, но и не могли представить.

– Хорошо, я позвоню, только возьми себя в руки.

Ларс действительно позвонил в полицию и сообщил, что по такому-то адресу совершено убийство, подробностей не знает, но их подруга, хозяйка дома, сказала, что ее муж убит. Дежурный вздохнул и обещал немедленно отправить туда полицейских, чтобы все проверили на месте.

Ларс уже натягивал свитер прямо на голое тело, некогда выбирать, что именно одеть. Еще через минуту они, заглянув в комнату, где из-за переполоха проснулись бабушка Линн Осе и ее муж многолетний наставник Ларса Свен, и попросив их присмотреть за крошкой Мари, кубарем скатились по лестнице и бежали к автомобилю.

В машине Линн все же поинтересовалась:

– Ларс, что там случилось?

– Толком ничего не понял. Бритт только кричала, что Густав убит, и что она ни в чем не виновата.

– О боже!

По пути они позвонили Дагу Вангеру, следователю Управления, который прекрасно знал и Бритт, и Густава. Вангер обещал немедленно подъехать.

У дома Густава и Бритт уже стояла полицейская машина, и внутрь их не пустили. Линн попыталась внушить рослому полицейскому, что они ближайшие друзья хозяев дома и что именно они вызвали полицию, но тот спокойно покачал головой:

– Тем более. Но не уходите, вы можете понадобиться.

– Конечно, не уйдем!

Несколько минут Юханссоны стояли, прижавшись друг к другу и тревожно глядя на освещенные окна. Осенний ветер пронизывал насквозь, а они одеты легко, потому что раздумывать над особенностями погоды было некогда. Только собрались уйти в свою машину, чтобы не замерзнуть окончательно, как из дома показался полицейский, кивнул тому, что стоял снаружи:

– Вызывай экспертов. Убийство, причем, зверское.

Тот что-то тихо ответил, кивая на Ларса и Линн. Старший поманил их к себе:

– Это вы вызвали полицию?

– Да, я Ларс Юханссон, а это моя супруга Линн. Мы близкие друзья хозяев этого дома. Приехали потому, что позвонила Бритт и кричала в трубку, что Густав убит, и она ни в чем не виновата. Я вызвал полицию. Больше не знаю ничего.

– Хорошо, пройдите в дом, только не поднимайтесь на второй этаж и ничего не трогайте.

В доме к ним бросилась Бритт:

– Линн! Ларс! Я...

– Что случилось? Густав действительно убит?

– Да... пока я была в ванной, его... убили...

– Кто?

– Не знаю...

Вокруг все перевернуто вверх дном, словно что-то искали.

– Бритт, это кто натворил?

– Не знаю...

У бойкой и обычно уверенной в себе Бритт стучали зубы, она вся тряслась. Линн привлекла подругу к себе:

– Иди сюда, к камину.

Но разжечь камин не позволили, к ним метнулся полицейский:

– Что вы там сжигаете?!

Линн фыркнула:

– Два трупа. Расчлененка.

– Что?! – обомлел страж порядка.

– Дрова! Что еще мы можем жечь в камине? Вы не видите, что человек просто замерз?

Бритт и впрямь была слишком легко одета для холодного осеннего вечера, вернее, слишком раздета – она так и осталась в полотенце. Линн сорвала с вешалки у входа большую куртку Густава и укутала в нее несчастную подругу:

– Ну-ка, садись в кресло с ногами. Если уж не дают разжечь камин, то хоть укрою.

В дом вошел Вангер:

– Ну, что там?

– Даг, Густава убили... – всхлипнула Бритт.

– Где ты была в это время?

– В ванной...

– В два часа ночи? – поморщился Даг. Какой нормальный следователь поверит в столь нелепое объяснение?

– Конечно, – искренне удивилась вопросу Бритт. Не будь она настолько потрясена произошедшим, непременно ехидненько поинтересовалась, разве он сам не принимает душ после секса.

– А почему ты... – он сделал неопределенный жест рукой вокруг лица, – причесана?

– Я высушила волосы после ванны.

Уже на рассвете Ларс и Линн увезли Бритт к себе, после того как она подробнейшим образом рассказала следователям о своем пребывании в ванной, закрытой снаружи двери и о том, что увидела, покинув, наконец, санузел. Она не требовала присутствия адвоката и даже представителя посольства США, хотя была американской гражданкой и имела право на помощь дипломатов.

Отведя женщин в машину, Ларс подошел к Вангеру:

– Даг, что там?

Тот сокрушенно покачал головой:

– Ларс, Густава попросту зарезали, как собаку. Причем, сделали это на распятии. Я не смогу вести это дело, поскольку хорошо знаком с убитым и с подозреваемой, но попытаюсь помочь Бритт. Нужно только быть уверенным, что она непричастна.

– Как ты можешь сомневаться?!

– Ты бы мог не услышать, как такое творится в доме? Это ведь не полчаса продолжалось. Не заперлась ли Бритт в ванной с перепуга, увидев, что к мужу пришли те, кого он очень боялся?

– Почему ты решил, что Густав боялся своих убийц?

– Ларс, я не вправе что-то говорить. Ты ведь тоже приятель Густава.

– Хорошо, – вздохнул Юханссон.

– Скажи Бритт, что если она что-то знает, пусть лучше скажет, нам будет легче работать.

– Что она может знать?

– Что именно искали.

Бритт не знала, она мотала головой, снова заливаясь слезами:

– Я никого не видела и ничего не слышала!

– Ларс, она действительно принимает ванну часами, пока не перепоеет весь репертуар или вода не остынет окончательно, – заступилась за подругу Линн, когда они уже уложили Бритт на диване, напоив успокоительным, которое раздобыли у бабушки.

Ларс только вздохнул.

Вызванный на место преступления следователь Лайф Петерсен только без конца качал головой:

– Много видел, но чтоб так с жиру беситься... Даг, что это такое?

– Козлы, – буркнул в ответ Вангер. – Ты никогда приспособлений для БДСМ не видел?

– А ты видел?

– Поработай с мое, и не то увидишь.

Это было неправдой, потому что самые разные козлы, распятия, колодки, флоггеры и прочую прелесть Вангер увидел не на службе, а именно при помощи Ларса и его друзей, в том числе Густава.

Выручила Дага его собственная подруга – Агнесс Валин, судмедэксперт, приехавшая на осмотр. Вообще-то, она на осмотр не выезжала, работая в морге, это позволило Дагу задать сакраментальный вопрос:

– А ты почему?

– У Адама какие-то проблемы с зубами, попросил меня съездить. Я знала, что ты здесь. Даг, неужели правда Густав?

– Посмотри сама.

Ужасно расследовать убийство в стиле Джека Потрошителя, но еще ужасней, когда жертва тебе знакома довольно близко.

– Как думаешь, его долго мучили? – кивнул на труп Вангер.

– Его не мучили, Даг. Что-то, наверное, требовали, но не мучили. Посмотри, наручники застегнуты наспех, он даже не вырывался, под наручниками и поножами нет следов потерто-стей. Видно понимал, что это смерть, а еще старался не привлекать внимание к Бритт. Она была в ванной?

– Да, и мне не верится, что она не слышала и ни о чем не подозревала до самого конца.

Агнесс снова покачала головой:

– Густав сделал все, чтобы не привлечь внимание Бритт. Этим он спасал жену от гибели. А в своей не сомневался, видно понимал, с кем имеет дело.

– Пуля пущена в лоб потом?

– Похоже, да, но я бы предпочла сначала поработать на своем месте.

Это означало, что ответы Агнесс даст только после вскрытия. Не только она, все судмедэксперты терпеть не могут что-то говорить заранее потому, что знают – вскрытие может перевернуть половину, а иногда и все представления о смерти жертвы и о ней самой.

– Ладно, мы пока займемся уликами...

В убийстве Густава Съеберга Бритт Джонсон не обвиняли, слишком многое указывало на то, что это не могла сделать она. Хотя на брошенном в лужу крови кухонном ноже в изобилии нашлись только ее и Густава отпечатки, было ясно, что жертву лишили его достоинства не этим орудием. Да и выстрел в лоб произвел кто-то выше Бритт ростом. И машина Густава исчезла, через день она была обнаружена брошенной довольно далеко от дома в районе аэропорта. Но ни отпечатков в машине, ни записей видеокамер, которые могли бы зафиксировать пассажиров или водителя, не нашлось. Те, кто угнал машину, прекрасно осведомлены о необходимости быть осторожными.

– Вы хотите сказать, что не знаете, чем занимался ваш муж? – Усмешка следователя не сулила ничего хорошего.

Действительно, нелепо, если жена не знает, что за дела у ее мужа, это всегда пахнет либо криминалом, либо враньем. Бритт удивлялась сама себе, она, привыкшая знать все и обо всем, не интересовалась жизнью Густава за пределами дома! За те два месяца, что она жила у Съеберга, речь между ними шла только о сексе и развлечениях. Все попытки расспросить, чем же занимается супруг в короткие отлучки, которые ему позволялись, приводили к поцелуям и распятию с последующим сеансом БДСМ.

– Логистикой... кажется... и снимал какие-то ролики... наверное, рекламные...

Бритт знала, что Густав постоянно разъезжал, что-то или кого-то куда-то доставлял, во всяком случае, короткие фразы, которые она могла уловить во время разговора Густава по телефону, свидетельствовали об этом. А про ролики сказала потому, что однажды, проснувшись посреди ночи, увидела, как Густав сидит в гостиной за компьютером, вернее, двумя сразу и что-то редактирует. Он не позволил заглянуть на экран, утащив ее в постель, больше Бритт эти ноутбуки в доме не видела.

Бритт не считали убийцей, но ее считали причастной к убийству либо свидетельницей, не желающей давать правдивые показания. Конечно, вдову трудно обвинить, может упереться и как попугай твердить, что ничего не видела и не слышала. Возможно, не видела, но слышать должна была обязательно.

Густав не нравился Дагу Вангеру никогда, они знакомы не так давно, с тех пор как Густав вошел сначала в жизнь бывшей напарницы Вангера Фриды, а потом женился на Бритт. Уже то, что он сначала спал и почти свел с ума спокойную Фриду, очаровав ее БДСМ-фокусами, и вдруг переключился на ее подругу Бритт, не делало Густава для Дага симпатичней.

Бритт американка, приехавшая учиться дизайну в Стокгольм. Вроде ее мать родилась в Швеции, но еще девочкой переехала с родителями в Калифорнию. Бритт и Линн вместе снимали квартиру на Седермальме, а потом после увольнения из Управления к ним присоединилась Фрида Волер. Об этом увольнении Вангер до сих пор сожалел, ведь Фрида была его напарницей и дочерью его погибшего наставника, а он в один далеко не прекрасный момент не поверил Фриде, приняв ее за «крота», окопавшегося в Управлении.

Фрида уволилась и открыла с помощью богача Ларса Юханссона частное сыскное агентство.

Эта компания – Линн, Бритт и Ларс, а с ними и Фрида, пережила многое, вокруг них последние пару лет кровь лилась просто рекой. И вот теперь, когда все успокоилось, такой кошмар.

Будучи знакомым, пусть и не близким, погибшего и его супруги, Даг действительно не мог вести это дело и постарался, чтобы оно попало в руки Лайфу Петерсену, новому в Управлении сотруднику, не наслышанному о кровавых делах банды, снимавшей снафф-видео, – реальные пытки и смерть людей. Членов этой банды уничтожали больше двух лет, причем, Юхансоны и те, кто их окружал, постоянно оказывались в центре событий.

И когда стало казаться, что все завершено, последний член банды уничтожен, снафф-видео появилось в Сети снова. Уже доказано, что ни Юхансоны, ни кто-то рядом с ними к этому видео не имеют никакого отношения, но тот, кто давно работает в Управлении не испытывать на себе давление того дела не мог. Петерсен мог, он в Управлении совсем недавно.

Даг не поверил Бритт в том, что ничего не слышала. Могла не видеть, но не услышать, что мужа режут и в доме что-то ищут... Почему она скрывает? Что знает и не желает говорить?

Лайф Петерсен бил копытом землю в желании немедленно раскрыть это дело, чтобы доказать, что его не зря перевели из скромного провинциального отделения близ финской границы, где всех преступлений за год и десятка не наберется, причем, не страшной кражи чужого велосипеда с целью прокатиться или пьяной драки с выбитым зубом, в столичный отдел, да еще какой! Заниматься раскрытием серьезных преступлений... кто из следователей об этом не мечтает?

Стараясь накопать что-то серьезное, он перевернул дом не хуже преступников, пожалуй, даже основательней. Если там и оставался какой-то порядок вне комнаты, где совершено убийство, то теперь не осталось и его. Остаток ночи бедолага просидел в Интернете, разыскивая всевозможные материалы о БДСМ, и к утру без объяснений Вангера знал для чего предназначено то или иное приспособление.

Лайф буквально раздваивался, с одной стороны, ему претили все эти игрушки извращенцев, как считал строгий блюститель порядка, родившийся и выросший в настоящей глуши и воспитанный в строгих традициях, где все позы, кроме миссионерской, считались пощечиной морали. С другой – Петерсен ловил себя на том, что хочется попробовать самому.

Улучив момент, он брал в руки флоггер или плетъ, примериваясь то к распятию, на котором еще сохранились следы крови, то к козлам, представляя там и там обнаженную женскую фигуру. Приходилось признавать, что что-то в этом есть.

Тех, кого называли Топами, Лайф еще понимал, но как понять женщину, готовую терпеть боль и страх. Они-то ради чего?

Теория отвечала: чтобы доставить удовольствие своему верхнему и испытать его от подчинения.

Петерсен проходил по своей ноге и начинал сомневаться, что боль можно терпеть ради чьего-то удовольствия. Ради спасения жизни, наверное, но удовольствия?..

В общем, он совершенно не понимал вдову, а потому не мог заставить себя поверить в ее непричастность, вернее, в то, что она не сидела в ванной тихо как мышь, пока резали мужа. Наверняка радовалась, что кто-то мстит. Потому и член откромсали под корень.

Оп-па!

Отрезанный член подсказал Лайфу версию, он метнулся к Вангеру:

– Даг, а что если его убила какая-нибудь женщина, которую он бросил?! Убитый с этой своей вдовой недавно же поженились, так?

Даг кивнул:

– Так, только Бритт его вдовой тогда еще не была.

– А? – на мгновение замер Лайф, потом сообразил, что это сарказм Вангера, махнул рукой. – А обиженная красотка и отомстила. Потому член под корень.

– Если это так, то ты до пенсии убийцу не найдешь.

– Почему?

Вангер вернулся к своим бумагам. Перебирая какие-то записи, он наставительно изрек:

– У Густава было столько женщин, сколько тебе за всю жизнь даже в качестве свидетельниц не встретить.

– Ну да? – усомнился Петерсен. – Тем более.

– Лайф, прекрати выдумывать. Во-первых, Густав крепкий здоровый парень, его и вдвоем-то скрутить тяжело, а женщине в одиночку просто невозможно. Преступников было не меньше двух. Это раз. Второе: Густав их знал и не просто знал, но когда пускал в дом, еще не боялся их встречи со своей женой. В-третьих, это были мужчины, по крайней мере, двое из них, потому что подвесить Сьеберга на распятии тоже тяжело. И пуля в лоб выпущена мужской рукой, росту убийцы больше метра восьмидесяти. Не вставала же мстительница на цыпочки, чтобы дотянуться до распятого обидчика?

Петерсен заметно поскущел, разваливалась такая красивая теория. Она еще не была теорией, просто догадка, но эффектная. Но он не желал сдаваться так легко.

– Но вдове я все равно не верю! Не могла она ничего не слышать и провести в ванной почти два часа.

Вангер снова вздохнул:

– Эта могла. И не слышать могла, и в ванной просидеть полночи тоже могла. Ты вот о чем подумай: если бы она была соучастницей, что стоило тихо исчезнуть из дома, сделав вид, что вовсе там не ночевала? А нам сказала бы, что ушла после ссоры. Получилось бы, что она ушла, а он позвал в дом черт знает кого. Но она принялась визжать на всю улицу, это тебе подтвердили соседи, и в панике звонить друзьям и вызывать полицию, даже не накинув халат. Что тебе соседи еще сказали? Обычно они рассказывают то, что скрывает жена.

– Ничего важного, ерунда всякая. Но о женщинах твердили, мол, бывали у него дамы часто.

– Бывали, Густав пользовался популярностью и любил женщин сам. Ты уже разобрался с его приспособлениями? – Даг снова вроде разбирал бумаги, Лайф попался на этом вопросе:

– В основном, но не со всеми.

– Осторожней, там много всякого... опасного...

Бритт еще раз строго допросили, все записали и вернули ключи от дома, пора приглашать клининговую компанию и основательно все вымыть. Несчастливая женщина сходила в дом, забрала документы и важные вещи, а остальное поручила Линн.

В Стокгольм на несколько дней из Норвегии примчалась третья подруга – Фрида, которая до Бритт была подругой Густава и прекрасно знала все тонкости взаимоотношений с ним, на себе испробовала те самые приспособления для БДСМ, которые примерял Петерсен.

Вообще, сначала дружили Линн и Бритт, они вместе снимали квартиру на Седре по соседству с Магнусом, потом, когда Линн понадобилось охранять, а Фрида как раз потеряла работу в Управлении полиции, Ларс нанял ее в компаньонки. Потом Линн вышла замуж за Ларса, Бритт и Фрида остались в квартире одни.

Сначала роман разгорелся у Бритт с Магнусом, это был странный роман, он как угли в камине с плохой тягой, тлел и тлел, ни света, ни жара. А Фрида познакомилась с Густавом, и вот их роман оказался бурным! Настолько, что она забыла обо всем и была готова совершать рядом со Сьебергом самые безрассудные поступки.

А потом они поменялись партнерами. Нет, это не была знаменитая шведская семья, выдумка досужих болтунов, просто однажды выяснилось, что Фриде и Магнусу очень хорошо вместе, а Бритт готова сходить с ума рядом с Густавом, сводя и его заодно. Казалось, Бритт подчинила неуловимого Густава, они составили прекрасную пару и даже не так давно поженились.

И вот теперь...

– Фрида, мне пришло письмо от миссис Аманды Джонсон... – Осе Линдберг произнесла это с видом герцогини, только что получившей записку из Королевского дворца.

Раньше чем успела сообразить кто такая Аманда Джонсон, Фрида невольно задала другой вопрос:

– Что получили?

Неужели сейчас присылают письма? Фриде казалось, что эпистолярный жанр ныне ограничился перепиской в Интернете и рождественскими открытками.

Но она тут же сообразила:

– От кого получили?

– Письмо. От Аманды Джонсон. Это бабушка Бритт, она живет в Америке.

– Я помню, что у Бритт бабушка в Америке. Но почему вам?

– Как бабушка бабушке она написала мне письмо. Не знаю, где взяла мой мейл, наверное, выудила у Бритт.

Значит, все же электронка... – почему-то с заметным облегчением подумала Фрида, еще десять секунд назад представлявшая бабушку Бритт с гусиным пером в руках, корпящую над большим листом бумаги.

– И чего она хочет?

– Приехать. Вернее, – Осе Линдберг посмотрела на часы, – Аманда прилетает через полтора часа. Я могу попросить тебя посидеть с Мари? Ларс и Линн занимаются этими сыскными делами. Конечно, няня будет дома, но ты же знаешь этих нянь...

Фрида в очередной раз поразилась способности Осе перескакивать с одной темы на другую так, словно остальные обязаны знать, что происходит у нее в голове, но та объяснила:

– Я должна встретить Аманду. Она ведь американка, а эти американки...

Ясно, американки бестолковой шведских нянь.

– Конечно, посижу. А как вы ее узнаете, вы же никогда не виделись?

Осе посмотрела на бывшего следователя так, словно Фрида сморозила откровенную глупость.

– Конечно, не стану носить на груди и спине огромные плакаты, кричащие о том, что я Осе Линдберг! Для этого есть телефон.

– А зачем она прилетает?

– Бабушка желает сама удостовериться, что ее внучка была замужем за черт знает кем. Прости, Фрида, но я тоже так считаю. Вы с Бритт явно выбрали не того парня, только ты вовремя исправилась, а вот ей не повезло.

Не успела Фрида мысленно ужаснуться предстоящим разборкам, как Осе уточнила:

– Вообще, она права, со шведской полиции по поводу расследования убийства Густава стоит спросить строго. Даже если он дерьмо, нужно выяснить, кто же с этим... столь строго рассчитался. И за что!

Фрида вздохнула: Дагу Вангеру и всей шведской полиции стоило посочувствовать.

Через три с половиной часа Фрида сочувствовала Дагу со всей шведской полицией куда больше. Одна бабушка это катастрофа, но две стихийное бедствие покруче землетрясения, наводнения и обширных лесных пожаров вместе взятых.

Бабушки словно рождены друг для дружки, внешне совершенно разные, они совпадали, как две детали пазла. И вместе эти детали представляли силу, способную сокрушить любые преграды. Дагу Фрида сочувствовала просто потому, что не представляла, как тот будет заботиться о безопасности этих двух пожилых дам.

Как они понимали друг дружку уму непостижимо, потому что Осе плохо говорила по-английски, а Аманда не знала по-шведски ни слова, кроме приветствия «Хей», которое применяла в каждой фразе. Это совершенно не мешало двум пожилым дамам обсудить «мерзавца Густава» и прийти к выводу, что Бритт совершила ужасную ошибку, не посоветовавшись со старшими. На вопрос почему Густав мерзавец последовал исключительно логичный ответ:

– Разве порядочный мужчина посмел бы оставить женщину одну, тем более умерев так ужасно?

Фрида хотела напомнить, что бабушки обе вдовы, но не рискнула этого делать. Аманда поняла сама, фыркнула:

– Нас, конечно, тоже оставили, но не в таком же возрасте и, по крайней мере, с детьми!

Объяснять, что с ребенком на руках Бритт переживала бы еще больше, Фрида не стала. Вообще-то, в рассуждениях бабушек был свой резон, хорошо, что они не подозревали какой именно.

На следующий день Фрида убедилась, что не просто подозревали, но и прекрасно понимали.

– А уж эти ваши занятия БДСМ...

– От...куда вам известно?

Неужели Бритт такая болтушка, что не смогла сдержать язык при своей бабушке?

– Я что дура по-вашему? Или вы репетировали пьесу о распятии Христа? Но у Христа не было наручников или козел. Я уже сказала Бритт, что такого парня можно иметь в любовниках, но никак не в мужьях.

Фрида невольно обратила внимание на то, что любовники и мужья упоминались во множественном числе.

Выручило Фриду возвращение Линн и Бритт.

Друзья организовали похороны Густава.

Бритт выглядела ужасно, словно со смертью мужа она потеряла смысл жизни, стержень, который отличал всегда живую и энергичную молодую женщину. Бритт, совсем недавно после чумового секса оравшая в ванной «Хаббл Баббл», куда-то делась, перед всеми была лишь ее бледная тень.

К Линн подошла Фрида, пожала локоть, выражая сочувствие.

– Мы с Магнусом хотим предложить Бритт пожить с нами в Осло. И вообще, посмотреть Норвегию. Она ведь не была на фьордах? Пусть отвлечется от мрачных мыслей.

Линн подумала, что фьорды в конце осени, когда с моря ледяной ветер и часты дожди, не так привлекательны, но кивнула:

– Хорошо бы. Знаешь, она все время представляет либо себя в руках Густава, либо себя же в ванной в злополучную ночь.

– Да, она говорила, что не может простить себе, что не услышала, не заслонила собой Густава. Надо как-то внушить, что этот героизм не помог бы, только погибла бы вместе с ним.

Линн осторожно покосилась на Бритт, с безучастным видом беседующую с Агнесс, и поинтересовалась:

– Вы долго намерены жить в Норвегии?

– Как получится, но не меньше месяца. Хватит, чтобы хоть немного отвлечь Бритт. А где Свен?

– Увез Мари в Швейцарию. Когда все успокоится, мы с бабушкой и Ларсом тоже поедem. Похоже, проведем зиму вдаль от вас и Бритт. Если, конечно, вы все не решите приехать на Рождество в Швейцарию. Слушай, это было бы великолепно! Сейчас не до того, но обещаю подумать.

– Обещаю, – улыбнулась Фрида.

Это действительно было бы великолепно. До Рождества целых два месяца, можно все успеть – переделать дела в Норвегии, привести в чувство Бритт и нагряться в старинный, хотя и с современной начинкой дом на берегу красивейшего швейцарского озера. Этот дом когда-то принадлежал деду Ларса, внук его отремонтировал, сохранив внешний старинный облик, и теперь там убежище в случае каких-то неурядиц или усталости от повседневной суеты.

Аманда в Осло ехать не собиралась, было ясно, что они с Осе нашли друг друга и теперь за бабушками нужен глаз да глаз. Линн даже решила пожаловаться Свену, если Осе не отправится вместе с ней и Ларсом в Швейцарию. Пусть и Аманда едет, но оставлять в Стокгольме двух недовольных работой стокгольмской полиции бабушек крайне опасно и для самих бабушек, и для полиции.

Вангер внимательно оглядывал пришедших на церемонию прощания, чтобы заметить кого-то чужого, если придет. Такое бывает – убийцы ходят на похороны своих жертв, словно желая удостовериться, что действительно отправили жертву на тот свет и она не вернется. Бывает, когда упиваются страданиями родных.

На сей раз чужих не было вообще, присутствовали лишь самые близкие, те, кто совсем недавно радовались свадьбе Густава и Бритт.

Даг поинтересовался у Ларса:

– А почему нет никого из родных Густава?

Тот вздохнул:

– Мы не знаем никого. Густав никогда не говорил о своих родных, словно сирота с рождения.

– Зайди завтра ко мне, поговорим. Найдешь время?

– Да, конечно.

Когда возвращались домой (Бритт отправилась к Фриде с Магнусом, чтобы обсудить возможность поездки с ними, а Осе повезла Аманду в их старый дом в Валентуне), Линн снова завела разговор о гибели Густава:

– Знаешь, о чем я подумала? Зачем преступникам закрывать дверь в ванную снаружи? Если им что-то нужно, то проще вытащить голенькую Бритт из пены и использовать как заложницу.

Ларс согласился, что в словах жены есть резон.

– Ты думаешь, дверь была открыта и Бритт все просто показалось?

Линн рассуждала словно сама с собой, прекрасно понимая, что Ларс все ее рассуждения слышит, хотя внимательно смотрит на дорогу.

– Нет, может, это сам Густав закрыл? Он-то знал, что замок снаружи, а не внутри, как обычно. Где они начали разговор, не в спальне же и не в комнате с распятием? Он пустил убийц в дом, потому что не боялся их, значит, и первые слова произнесены внизу. Думаю, когда поднялись наверх, беседа уже шла на повышенных тонах, ведь они даже не услышали Бритт в ванной.

– А кто тогда открыл?

– Ты помнишь замок в их ванной? Его переделывал сам Густав.

– Конечно, не помню! – усмехнулся Ларс.

Его легкий сарказм не смутил Линн, она стояла на своем:

– Там все наоборот – положение открыто и закрыто перепутаны. Если ее крики или шум фена все же услышали, то убийцы могли повернуть замок уже намеренно, не подозревая, что открывают, а не закрывают, понимаешь?

– Линн, тебе нужно быть следователем. Или хотя бы консультантом, знаешь, существуют такие умники, которые приходят, оглядывают место преступления и объясняют следователям, что те кретины, потому что не заметили половины деталей и улик. А если серьезно, расскажи это все Дагу, твоя версия имеет право быть.

– Сам своему Дагу и расскажи! Он передал дело надутому индюку Петерсону, который только и делает, что ходит по дому с плетью и пытается нанести себе увечья.

– Зачем?! – обомлел Ларс.

– Играет в БДСМ.

На следующий день Ларс действительно изложил соображения жены Вангеру. Тот немного посидел, задумчиво покусывая губу, потом кивнул:

– Всегда говорил, что твоей жене нужно быть если не следователем, то консультантом. Знаешь, существуют такие умники, которые...

– ... приходят, оглядывают место преступления и объясняют следователям, что те кретины, потому что не заметили половины деталей и улик! Я вчера именно так ей и сказал, – рассмеялся Ларс. – Но пока она еще не консультант, пусть хотя бы выдвигает идеи. Воспользуешься? Хотя, думаю, она не много добавит в картину произошедшего.

– Ясно, что искать нужно не брошенных любовниц, как предложил Лайф, а кого-то из прошлого Густава. Оно может сказываться и сейчас...

Пока Ларс с грустью думал, что его собственные грехи молодости до сих пор не дают покоя, сказываясь на отношениях с Линн, Вангер открыл сейф, достал оттуда небольшую тетрадь, страницы которой сплошь исписаны мелким почерком, и протянул Ларсу:

– Ты знаешь почерк Густава? Это он писал?

Тот пригляделся, пожал плечами:

– Я всего пару раз видел записи Густава. Кажется, похоже. У Бритт спроси.

– Я ей показывал. Не тетрадь – листок. Она не знает. Возьми себе, только не показывай ни Бритт, ни Линн.

– Но Бритт его вдова, если это записи Густава, это ее собственность.

Вангер почти сокрушенно покачал головой:

– Прочти, сам поймешь, почему я отдаю тебе. Если решишь, что ей стоит знать – отдай.

Ларс подозрительно покосился на тетрадь. Что там такое, если у обычно немногословного Вангера столь бурное выражение эмоций? Но едва пробежав глазами первую же страницу, с удивлением посмотрел на Дага:

– Ты думаешь, это написано Густавом?

– Я тебя спросил о том же. Почитай, там много интересного. Но это не все, существует продолжение, думаю, его-то и искали убийцы. Что там могло быть, если за это можно вот так зарезать? Спроси у Бритт, только осторожно.

– Думаешь, нашли?

– Едва ли... Странное убийство, Ларс. Убийцам от Густава было что-то нужно, но если они это что-то нашли, то можно бы просто пустить пулю в лоб и поскорей убраться. Они же знали, что Бритт в доме. Отдал ли Густав, что искали? Связано ли оно с этой тетрадью? Короче, почитай, ты его знал лучше меня, может, наведет на какие-то мысли. Только если решишь что-то предпринять, обязательно поставь меня в известность.

Да, Линн умница, да из нее вышел бы прекрасный следователь или хотя бы консультант, да, главное препятствие для них уже не первый год – прошлое Ларса и то, что он оберегает Линн от этого прошлого.

Ларс называет это защитой жены от ненужных эмоций, она сама недоверием с его стороны. Это все время стоит между Линн и Ларсом, и еще долго будет стоять, если не развязаться с прошлыми ошибками.

В юности кажется, что если жизнь впереди, то можно совершать любые поступки, дружить с любыми людьми, а потом, когда юные годы пройдут, все исправить – разорвать ненужные связи, выбросить из памяти недостойных людей, забыть эту самую бурную юность.

У большинства людей так и происходит, но случается, что прошлое не желает забывать о тебе. И то, что в юности для тебя и твоих приятелей было просто игрой, даже безопасной и не нарушающей никакие законы, после взросления выглядит иначе, безобидные игры кажутся преступными, а друзья, помнить о которых ты вовсе не хотел бы, напротив, не желают тебя забывать.

А если эти друзья не остановились на играх, если их игры, те, в которые вы играли вместе, стали преступлениями?..

Тогда прошлое способно накрыть человека, словно огромная волна на пляже.

Конечно, единственный верный выход – честно рассказать обо всем. Но как быть, если эти признания причинят сильную боль любимой? Вот и приходится увиливать от одной за другой волн прошлого, накатывающих в самый неподходящий момент.

С Густавом Ларс познакомился лет восемь назад при своеобразных обстоятельствах. Пришлось одолжить ему денег, иначе парня просто сожрали бы кредиторы. С кредиторами, имеющими югославские имена и бандитский вид лучше не шутить.

Густав сумму вернул, обещал больше не связываться с опасными людьми, но Ларс сразу понял, что это вранье, не просто связался, но и деньги, чтобы вернуть долг ему, снова взял у бандитов.

– Сколько ты у них взял?

– Я вернул, спасибо тебе.

– Я спрашиваю: сколько ты взял сейчас, чтобы отдать долг мне? И под какие проценты.

Проценты были кабальными. Ларс вздохнул:

– Я дам тебе сейчас еще столько же, ты отдашь долг югославам и никогда больше не будешь у них брать. А мне вернешь, когда сможешь. Если, конечно, послушаешь мой совет и сумеешь выбраться.

– Под какие проценты ты даешь мне?

– Я не ростовщик и не наживаюсь на этом. Без процентов. Не скрою, для меня это заметная сумма, потерять ее будет тяжело, но если ты еще раз влезешь в долг, чтобы отдать мне, я деньги заберу и больше не дам. Понял? Я не спрашиваю, чем и как ты зарабатываешь, не хочу знать, но связываться с теми, кто обирает тебя до нитки, не советую.

Они остались приятелями, долг Густав вернул только через два года. В то, что он не связывался с наркоторговцами и прочей дрянью, Ларс не верил, но предпочитал об этом не думать. О том, чем Сьеберг зарабатывает, тоже.

Оказалось – зря, его связи привели к такой страшной смерти. Но Ларс не нянька и не способен воспитывать взрослого мужчину, который к тому же на пару лет старше.

Когда Густаву понравилась Фрида, сделал все, чтобы они познакомились, надеясь, что бывшая следователь строгая и сдержанная Фрида сумеет урезонить Густава. Потом переживал, потому что этот приятель увел разумную Фриду в такие дебри, что оставалось лишь покачать головой. Но Фрида сменила его на Магнуса, а Густав взялся за Бритт. Никакие возражения не принимались, любовь казалась вечной, и к изумлению друзей состоялась свадьба.

Что если его гибель результат такого жизненного поворота?

Густав не был юношеским прошлым Ларса и не тащил за собой грехи его молодости, но он словно олицетворял это прошлое.

Они вместе посещали закрытый клуб, в который Ларс свою дочь не пустил бы никогда. Но Ларс из праздного любопытства и отработки некоторых техник БДСМ, а Густав ради удовольствия, получаемого в роли Топа.

Опасное удовольствие, оно не для каждого, легко можно заиграться.

Ларс очень бережно приучал к БДСМ Линн, когда-то он обещал будущей жене (тогда никто не мог и помыслить о том, что они будут женаты), что превратит ее в ненасытную развратницу за закрытыми дверями. Он никогда не унижал Линн, никогда не переступал тонкую грань между удовольствием и болью, которая удовольствия уже не приносит. Предпочитал, чтобы и секс доставлял только радость, не был ни высокомерен, ни жесток, ни просто груб. В этом залог их с Линн совместной жизни, залог ее доверия, очень хрупкого из-за ее ревности.

Густав иной, он не считался с партнершами, используя женщин, как манекены, он способен не просто оскорбить, но и обращаться с подругой, как с рабыней (из-за этого ушла Фрида). Сьеберг словно олицетворял собой все, что было неприемлемо между Линн и Ларсом, и уже этим был для Ларса опасен.

Ларс не только не знал семью Густава, но и не имел понятия, существует ли таковая вообще. Густав темная лошадка, неизвестно чем спекулирующая, неизвестно на что живущая, неизвестно откуда взявшаяся. Зато теперь известно, чем кончившая.

Это Ларс настоял на брачном контракте Бритт и Густава, чтобы сберечь деньги Бритт, если вдруг окажется, что из своих у Густава одни долги. Казалось, Ларс прекрасно знает Густава, даже ничего не ведая о его прошлом. Просто люди такого сорта очень яркие, их нельзя не заметить и ни с кем не спутаешь.

Но первая же страница записей Густава показала, что Ларс не только ничего не знал о прошлом Густава, но и не подозревал, что за человек перед ним. Если верно, что характер человека формируется в его детстве, то каким же должен быть характер Сьеберга?

Чтобы прочитать остальное, Ларс поехал не домой, а в офис своей благотворительной организации, попросил секретаря никому не сообщать, что он здесь, и не беспокоить, пока сам не выйдет. А еще принести кофе, побольше и самого крепкого.

Перед Ларсом была почти готовая к публикации (если автор рассчитывал на это) автобиография. Может, это не Густава? Он писал о ком-то другом или это вообще не его рука? Тетрадь, похожая на блокнот, найдена в доме Густава, но это говорит только о том, что Густав, возможно, держал ее в руках. Возможно, принес в дом.

Возможно, читал, но что Съеберг это написал, утверждать нельзя.

Значит, первый вывод: эта тетрадь может иметь какое-то отношение к дому Густава, но вовсе не обязательно к самому Густаву. Это литературно обработанные автобиографические или выполненные в стиле автобиографии записи, повествующие о некоем мальчике, а потом юноше. Даже имени нет, везде только «я».

Ларс вспомнил, что у него есть текст, написанный рукой Густава, это какая-то анкета, где буквы печатные, а заявление от руки...

Секретарь нашла нужную бумагу быстро и принесла вместе с большой чашкой кофе и полным кофейником.

Поблагодарив, Ларс с трудом дождался, когда она выйдет, чтобы открыть папку и сравнить почерк с почерком из тетради.

Сомнений не было – одна и та же рука.

Но это все равно ничего не значило, возможно, Густав просто переписывал чей-то текст или все же пытался сочинять. А придумано хорошо...

В детстве я мечтал о мире, где людям разрешено улыбаться. Я знал, что такой мир существует, в нем жили некоторые мои товарищи по школе, в таком мире жили те, кто приезжал в Дундрет кататься на лыжах по склонам. Я лгу, никаких товарищей у меня в школе не было, просто не могло быть. С тех пор как мама снова вышла замуж и мы переехали в Галливаре, ни у кого из нас больше не было друзей – ни у меня, ни у Йена, ни у Сары... Потому что друзья это те, с кем ты общаешься не только на уроках, но и после них, с кем ходишь в кино или на лыжах, смотришь телевизор или играешь в компьютерные игры.

У нас с братом и сестрой таких возможностей не было. В доме не только компьютера, но и телевизора не имелось! Стиг Ольстен считал телевидение порождением Дьявола, журналов или газет отчим не выписывал, по радио слушал только религиозные программы.

Мы и до второго маминого замужества жили странно, отца я помню плохо, он умер, когда мне едва исполнилось пять, к тому же вечно отсутствовал дома – занимался охотой далеко на севере. Когда после особо долгой отлучки отец вернулся домой едва живым, мама ругалась, что он вовсе не на охоте пострадал, а из-за своего неумного волокитства. Думаю, так и было, его просто избили до полусмерти из-за очередной совращенной девчонки, люди на севере суровы и меньше полагаются на правосудие, чем на собственные кулаки.

Отец несколько месяцев кашлял кровью, а однажды не проснулся.

Маму поддержала коммунa, а еще больше церковная община. Вот тогда и началась наша новая жизнь, которая с каждым днем становилась все более мрачной.

Следующие пару лет мы без конца молились о прощении, в том числе нашего беспутного, как говорила мама, отца. Я не понимал, почему нужно молиться о нем, если отец виноват, то пусть сам и расплачивается. Но мама твердила, что без наших молитв душа отца непременно попадет в ад.

– А если мы будем молиться, то в рай?

– Нет, конечно, нет! Никакими мольбами его душа в рай не окажется.

– Тогда зачем молиться?

– Пусть хотя бы в огне чистилища очистится.

К тому времени, когда я отправился в школу (пришлось подождать год, чтобы пойти вместе с Йеном, мама твердила, что младшему брату нужна защита), ежедневные молитвы,

воскресные службы, посты и страх перед происками нечистой силы уже въелись в детское сознание.

Мне было семь, Саре десять, а Йену шесть, когда в нашей жизни появился Стиг Ольстен, вернее, он появился в маминной жизни, а для нас стал отчимом. Все вокруг мамы были убеждены, что ей одной с тремя детьми не справиться, хотя с нами и справляться нечего, тогда мы еще не бунтовали, даже я. Йен не бунтовал никогда.

Крепкий, уверенный в себе Ольстен казался маме каменной стеной, за которой она сможет спрятаться от жизни и тех самых козней Дьявола.

Спряталась, во всяком случае, от жизни. И окончательно спрятала нас. Если до тех пор у нас были бесконечные молебны, то теперь появилась такая вещь, как еженедельная порка. Отчим абсолютно уверен, что без порки раз в неделю мальчиков не воспитать. В школе быстро заметили, что в определенные дни мы не можем сидеть нормально и заинтересовались причиной. Не знаю, как отчиму удалось отвертеться, но с тех пор он порол нас по субботам и пообещал, что если мы пророним кому-то хоть слово, последует уже не просто порка, а настоящее снятие шкуры.

Я пытался протестовать, выясняя, за что получаю удары розгами, отчим находил причины – то недостаточно быстро встал утром, то плохо заправил постель, то невнятно прочитал молитву, то получил не ту отметку в школе... Йен вопросов не задавал, он просто терпел и все.

Перелистывая страницу за страницей, Ларс не мог поверить собственным глазам – Густав оказался вполне приличным писателем! Но с первых строчек у Ларса появилось подозрение, которое крепло с каждой фразой и каждым именем или названием, приводимым в тексте. Чтобы так описывать окрестности Галливаре, там нужно жить, чтобы столь прочувствованно рассказывать о страданиях во время порки и, главное, о психологических переживаниях из-за унижений, их нужно перенести. Неужели?..

Ларс гнал эту мысль от себя, но она возвращалась снова и снова.

Густав писал о себе, своем детстве и своих переживаниях!

Но это означало, что Ларс ничего не знал о приятеле, и не только Ларс – никто другой. Поверить, что это детство Густава Сьеберга, которого приятели знали как неисправимого бабника и любителя красивых женских тел, причем, тел обнаженных, завязанного БДСМ-щика, предпочитающего эстетские штучки, но при этом вполне способного не оставить на теле нижней ни сантиметра без синяка или кровоподтека, да мало ли чем известного в своем кругу, невозможно.

Густав менял женщин чаще, чем рубашки в своем нешуточном гардеробе. Развратив и превратив в послушную рабыню одну, он тут же принимался за другую. Даже делал предложение, но ни разу не доводил дело до свадьбы. Кроме последнего случая с Бритт. Может, в этом причина его гибели?

В мире все возможно.

Я ненавижу запах касторового масла и глицерина. Касторовое масло, наверное, терпеть не могут все, а вот глицерин многие любят, к тому же меня не раз уверяли, что глицерин запаха не имеет. Не имеет, но только если с ним ничего особенного не связано. У меня связано.

Отчим решил, что готовить розги зимой неудобно, и, вообще, розги это мелочь, для таких детей как я нужно нечто посерьезней. Пусть это будет стек. А стек это кожа, за которой нужно бережно ухаживать, чтобы не рассохлась, не задубела, оставалась мягкой и гибкой. Мягкая она вовсе не для того, чьей кожи касается, стек это больно, очень больно, даже если смазан глицерином.

Глицерином и касторовым маслом стеки смазывал я.

Вообще, я довольно быстро понял, что отчим относится к нам по-разному, мне доставалось куда больше, чем брату с сестрой, он считал, что это из-за моего бунтарского характера. Опуская на мою спину розгу или стек, отчим всегда приговаривал:

– Я отучу тебя бунтовать, маленький гаденыш! Ты разучишься смотреть волчком!

Йен волчком не смотрел, он смотрел затравленным щенком. Сара почему-то стала ото всех прятаться, даже от меня, хотя раньше мы вместе лазали по окрестностям, не обращая внимания на наказания от отчима.

Маме было не до нас, она родила одного за другим Курта, Маркуса, Карин и Биргит. Позже я понял, что были еще два выкидыша. И младшие сестренки тоже родились больными и прожили всего по полгода. Мама была беременной постоянно, за шесть лет шесть беременностей. Она выглядела плохо, болела и не вмешивалась ни в наше воспитание, ни в наше обучение, всем заправлял отчим.

Ларс читал, не отрываясь, с количеством перевернутых страниц росло его убеждение, что нужно найти родных Густава, именно там кроется тайна его смерти. Начинать надо от Галливаре. Если рассказ в тетради действительно о Густаве и его семье, то по описанию легко найти сам дом, а там и родственников.

Тетрадь заканчивалась каким-то странным намеком, у Ларса осталось ощущение, что семья в Галливаре больше не жила.

Вангер намерение одобрил:

– Знаешь, я чувствовал, что ты так поступишь. Тебе дать связь с тамошней полицией? Вдруг понадобится помощь?

– Дай чье-нибудь имя и номер телефона и предупреди, что я от тебя. Если и впрямь понадобится – обращусь, но нарочно дергать людей не буду, у всех дела и без наших розысков мальчиков, которые давно выросли.

Последняя неделя выдалась мрачно-суматошной. Конечно, все из-за убийства Густава и того, что за ним последовало.

А предыдущие? И те, что были перед ними?

Нет, те спокойные, слишком спокойные, все по заведенному порядку, все чинно и скучно. Секс дважды в неделю в миссионерской позиции с обязательным предохранением, мягкий поцелуй в лоб при расставании даже на пару часов и такой же при встрече...

А где же неистовство, с которого они начинали? Куда делись безумства с флоггерами в руках, колокольчиками в сосках и безостановочным сексом с одним оргазмом, перетекающим в другую?

Так ли давно Ларс соблазнял Линн, обучая ее искусству потакать себе в самых невероятных желаниях. Требования два: не скрывать своих желаний ни от себя, ни от него, и осуществлять их за закрытой дверью спальни. Развратницей вовсе не обязательно быть у всех на виду, достаточно собственной постели, но уж там стесняться или делать все по правилам запрещается!

Да и что такое правила? Кто их может устанавливать для тех, кто занимается любовью наедине?

Линн все понимала, подчинялась, участвовала в экспериментах, но всегда была ведомой, не проявляя инициативу. Лишь однажды, как выяснилось потом, намереваясь с Ларсом расстаться, она дала волю чувствам, сама практически изнасиловав будущего мужа. Какая же это была восхитительная ночь для обоих!

В остальное время Ларс придумывал и осуществлял, а Линн пряталась в своей раковине, норовя захлопнуть ее при первом же сомнении.

Сомнений было немало, ревнивая женщина все толковала не в пользу мужа, ему приходилось оправдываться и оправдываться. Да, он вынужден признать, что сам давал повод, но вовсе не собирался не только изменять жене, но и вообще смотреть на других, даже самых красивых и сексапильных. Ларс любил Линн, точно знал, что это взаимно, но он устал прилагать немыслимые усилия, чтобы не позволить ей свернуться как ежику в клубок и выставить колючки.

Очень хотелось раскрепостить жену, добиться, чтобы она не просто тихо стонала, скрывая удовольствие, но кричала, испытывая оргазм. Но дома, где за стенкой Осе и Свен и в своей кровати спит маленькая Мари, это невозможно. Раньше для сумасшедшего секса была квартира на Эстермальмсгатан, но после того, как они едва не погибли в той квартире, спас Вангер, возвращаться туда не хотелось, и Ларс, несмотря на то что квартира была подарком деда, продал ее. Продана и квартира на Кунгсхольмене... В замок на острове они ни ногой уже давным-давно.

Ларс не раз подумывал купить какой-то уголок для безумств, однажды даже отправился смотреть такой, но надо же такому случиться, что хозяйкой уютной квартирки в районе Карлаплан оказалась его бывшая знакомая. Честно говоря, отношения с Эрикой выходили за рамки просто знакомства, у них бывал весьма впечатляющий секс, но только секс, не более того. Эрика ничего не забыла и всю старалась вернуть давно прерванные отношения в прежнее русло. Она изыскивала способ остаться с Ларсом наедине хоть десяток секунд и умудрилась в качестве напоминания о прежних забавах засунуть ему в карман свои крошечные кружевные трусики.

На свое счастье Ларс обнаружил «подарок» раньше, чем его увидела Линн. Встреча с Эрикой всколыхнула воспоминания, но не о самой Эрике, а о прежних отношениях с женой и мысли о том, как повисить их градус.

И вот сейчас они остались в квартире на Библиотексгатан одни. Пожить бы вволю, но Ларсу нужно уезжать, чтобы разыскать родственников Густава. Как воспримет это Линн, если она вообще все, что как-то умаляет внимание мужа, принимает с обидой? Как сказать, что он уезжает, когда появились все условия для того, чтобы не вылезать из постели несколько дней?

Ларс купил вино, сыр к нему, фрукты, подумав, добавил коробку конфет, упаковка которых просто кричала о любви. Конечно, винный погреб остался в замке, туда надо плыть либо яхтой, которая стояла на приколе, либо катером. Он вдруг решил, когда все вернутся из Швейцарии, устроить роскошный вечер именно в замке, попросив Свена приготовить его знаменитые блюда – фазанью грудку, оленину под белым вином и паштет. Впрочем, они с Осе освоили еще много что. У Осе и Свена своеобразное кулинарное соревнование, из-за которого очень трудно удержаться и не растолстеть.

Переступив порог дома, он почувствовал умопомрачительный запах, доносившийся из кухни.

– Ларс, это ты? – донесся голос Линн.

– А ты ждала кого-то другого? Ждешь гостей?

– Нет, тебя.

– Но ты же что-то готовишь?

Линн постаралась спрятать улыбку:

– Я не могу побаловать мужа деликатесами? Минутку, я только поставлю кое-что в духовку.

В столовой накрыт стол на двоих, свечи. Значит, Линн тоже настроена на романтический лад. Это замечательно.

Но ужин начался несколько иначе. Просто зайдя в кухню, чтобы отдать сыр и фрукты, Ларс замер, уставившись на жену. Она одета вполне буднично в джинсы и тонкий свитер, но

чуть приглядевшись, Ларс понял, что под свитером ничего нет. Это необычно для Линн, она любительница упаковывать свое тело в разные защитные чехлы, как он называл нижнее белье.

Чтобы убедиться, что прав, подошел ближе, Линн подняла глаза:

– Что?

Она протирала бокалы для вина.

Сомнений быть не могло, крупная грудь жены выдавала свою обнаженность под свитером выступающими сосками, в которые вставлены колечки пирсинга! Пирсинг ей когда-то сделал Ларс, не сам, конечно, но договорился с мастером и отвез туда Линн.

Ларс подошел сзади, руки нырнули под ткань свитера, стиснули грудь, пальцы затеребили колечки со вставленными в них крошечными мечами. Это их старые украшения, Ларс выбирал их еще в Замке, когда соблазнял Линн, не помышляя не то что жениться, но и пробыть с ней долго.

– Не отвлекайся.

Разве она могла не отвлекаться, если его руки, потискав грудь, спустились вниз к поясу джинсов, и через пару секунд пришлось переступать через упавшие брюки, оставаясь ниже пояса голышом.

– Хорошая девочка, – пробормотал Ларс, покусывая ее ухо.

– А почему ты одет?

– Меня никто не раздевает...

– Сейчас это исправим.

Перебрались в столовую, где Линн также ловко освободила от футболки и брюк мужа, Ларс остался в боксерках, а она сама в свитерке. Он потянул свитерок вверх, но не снял полностью, оставив на плечах, руках и голове.

– Постой-ка так. Не опускай руки.

Поиграл языком с колечками пирсинга, от чего у Линн сбилось дыхание, стиснул ягодицы. Она не видела, что происходит, только улавливала, что Ларс что-то сделал у входа в комнату. Что именно, стало ясно, когда он подвел жену к дверному проему.

Там над дверью висел крюк для качелей Мари. Когда-то на таком же висели ее собственные детские качели, теперь Свен прикрепил новый. Ларс перекинул через крюк полотенце, дав его концы в поднятые вверх руки Линн:

– Сможешь удержаться?

– Да.

Это было выше, чем стоять на цыпочках, но Ларс на то и рассчитывал. Он подхватил жену за бедра, понуждая обнять себя ногами.

Линн и забыла каким может быть секс на весу. Она беспомощна, потому что нет точки опоры, пришлось полностью довериться рукам мужа, подчиниться его ритму.

К утру Ларс решил и объявил:

– Линн, я уеду на несколько дней. А ты бы лучше увезла Бритт в Швейцарию к Осе и Свену.

Это хорошая идея – увезти Бритт подальше от места трагедии, но Линн рассчитывала, что они сделают это вместе с Ларсом. К тому же Бритт дала согласие пожить у друзей в Осло.

– Куда ты собрался?

– Попытаюсь найти семью Густава, его мать и братьев. Только Бритт пока ничего не говори, не хочу раньше времени травмировать.

– Ты подозреваешь что-то нехорошее?

– Нет, но, кажется, жизнь Густава вовсе не была безоблачной до Стокгольма.

Ларс не стал ничего говорить об откровениях, прочитанных в тетради, он и сам не был до конца уверен, что это о Густаве, слишком разителен контраст между баловнем судьбы сибаритом Сьебергом в Стокгольме и мальчиком Густавом, который жил на страницах тетради.

Для себя Ларс решил, что если написанное правда, обязательно расскажет Бритт и привезет ее на север.

– Так где ты будешь искать?

– В... – Ларс явно притормозил на мгновение, но почти сразу продолжил: —... Галливаре.

Женщина хороша собой. Нет, не красива, но ухожена, из тех, у кого не бывает заусенцев на руках, пятнышек на лице или давно нестриженных волос. У таких даже растрепанность создана долгими стараниями стилиста.

Умело подведенные глаза, красивый контур губ, мраморная кожа, но при этом ногти коротко острижены, за линией природного роста ногтя оставлена узенькая полоска, и лак на них бесцветный. Вероятно, врач или медсестра. Александр (в действительности его звали Мамору, что соответствовало значению европейского имени – «защитник») скосил глаза на туфли, убедился, что они ручной работы, и решил, что врач, медсестре не под силу такие траты.

И все равно он не понимал, чем заказчицу заинтересовал сеанс шибари, который Мамору проводил для нее лично. Деньги заплачены такие, которые не всегда получишь при выступлении перед целым залом, причем, вручены наличными толстой пачкой перед самым сеансом. Приходилось отрабатывать.

Женщина, назвавшая себя Лисбет, наблюдала. Спокойно, равнодушно... В ее взгляде не было интереса, а на лице за последние четверть часа не дрогнул ни один мускул ни когда он показывал варианты предстоящей связки на рисунках, ни потом, когда начал опутывать модель веревками.

Тэншими, как и работавший с ее телом Мамору, старалась отвлечься от пристального взгляда, но это плохо получалось. А когда внимание рассеянно, благодатное ощущение беспомощности от причиненного неудобства смазывается, на передний план выходят отрицательные эмоции. В таком случае модель напрягается и связка не получается такой, какой хотелось бы, не говоря уже об обоюдном удовольствии.

Мастер тоже чувствовал дискомфорт. Мамору редко работал на публику, вообще ему больше нравилось создавать шедевры, наслаждаясь тишиной наедине с моделью. Тэншими идеально подходила для такой работы, она умела углубиться в ощущения, была послушной в его руках, как мягкая глина. Конечно, мрамор в отличие от глины вечен, но от него надо откалывать куски, а это совершенно не подходило мастеру. Он предпочитал прелесть неуловимого мгновения, а не спокойствие неподвижной горы. Впрочем, разве великая Фудзияма была спокойной? Она тоже каждое мгновение иная.

Обычно работа шла неспешно. Мамору придумывал новую композицию, тщательно все зарисовывал, изображая с разных сторон, потом они обсуждали задумку с Тэншими, что-то меняли, он рисовал снова, снова обсуждали, в том числе последовательность плетения узлов. И только когда все было ясно, приступали к самой работе.

Связанную Тэншими (это всегда было так красиво!) Мамору фотографировал и отправлял снимки в соответствующие журналы. Публикации приносили неплохой доход во всем мире, не только в Японии, еще немало любителей тонкой красоты.

Иногда он проводил мастер-класс ограниченному кругу учеников, каждый из которых мог похвастаться собственными разработками во много крат сложнее «Кабанчика».

Главное в шибари – эстетика, а значит, отклик модели и зрителей, если таковые присутствуют.

Зрительница присутствовала, но никакого отклика Мамору не чувствовал.

Затягивая очередной узел на теле девушки, мастер поинтересовался:

– Мадам не интересно?

– Не понимаю смысла во всех этих веревках и узлах. Проще застегнуть ремни.

Мастера покорила такой подход, но не в его правилах демонстрировать свои мысли.

Женщина поинтересовалась:

– Модель получает удовольствие?

Мамору слегка поклонился, его лицо, как и лицо собеседницы, не выражало ничего, черные глаза в узких прорезях век спокойно разглядывали женщину.

– Смысл Shibari в эстетике. Это красиво – связывать прекрасное тело. Нежная кожа и грубые веревки, кошачья гибкость и ограниченность движения, горячая чувственность и вынужденная покорность – разве в таком контрасте нет своей прелести?

– Что испытывает девушка?

– Вы можете сами спросить Тэншими, хотя она не говорит по-английски. Кстати, ее имя означает покорность.

Женщина встала, подошла к связанной и подвешенной девушке и, заглянув в лицо, поинтересовалась:

– Ну, и что же?

Тэншими улыбнулась:

– Благодарность к мастеру и смирение.

Женщина отвела в сторону длинный мундштук, в котором слабо дымилась тонкая черная сигарета, распространявшая по помещению изысканный сладковатый запах, и покачала головой:

– Мне нужно не это.

– А что же интересно мадам?

Женщина сделала мастеру Shibari знак, что тот может освободить модель, и prorонила, выходя из комнаты:

– Я жду вас в машине.

Водитель открыл Мамору заднюю дверь машины, а сам остался стоять, внимательно следя за улицей.

Женщина не стала вести долгие разговоры, просто протянула мастеру папку, в которой находились несколько снимков, явно скачанных из Интернета с каких-то сайтов для любителей БДСМ:

– Что-то вот такое. Модель должна быть связана так, чтобы была доступна для мужчины.

– Задача открыть гениталии?

– Именно. При этом она должна остаться соблазнительной и брать ее должно быть удобно.

– Мои модели не согласятся на это, они не занимаются сексом с клиентами, – брезгливо поморщился Мамору.

– Модели будут мои, и это не секс, а настоящее изнасилование. В жесткой, извращенной форме с элементами садизма. Называйте вещи своими именами. Девушкам должно быть больно, очень больно.

– Я не буду заниматься этим!

Женщина усмехнулась:

– Неужели вы думаете, что я пришла с таким предложением, не имея козырей в руках? – Она протянула мастеру другую папку. Едва открыв ее, Мамору тут же захлопнул.

– Откуда это у вас?

Женщина, казалось, не услышала вопрос, она усмехнулась, глядя в окно в другую сторону.

– Вы не будете ничего делать с моделями сами, лишь придумаете связки и научите моих людей. Можете даже самого себя убедить, что всего лишь учили этих недотеп-европейцев красиво вязать узлы. Такая возможность избежать ответственности вам подойдет?

– Зачем вам это?

Она кивнула на пластиковую папку:

– Я же не спрашиваю, зачем вот это вам. Когда вы сможете приступить к обучению?

– Я могу отказаться?

– Нет. Как и пойти в полицию или проболтаться кому-то. Впрочем, вы не слишком разговорчивы. Вы обречены быть сговорчивым, это залог вашей жизни и жизни вашей дочери.

– Если я научу ваших людей нескольким связкам, вы гарантируете, что забудете мое имя?

Женщина пожала плечами:

– Разве можно хоть что-то гарантировать в этом мире? Сделайте с десятков интересных схем, и я надолго оставлю вас в покое.

Голова мастера покорно склонилась, что ему еще оставалось делать?

– Только не вздумайте сбежать или наделать глупостей. А чтобы этого не случилось, вы пока поживете у нас. Кристофер вас проводит. Своим людям скажете, что просто неделю будете давать платные уроки. Заплачу хорошо.

Глядя вслед ее машине, мастер думал о том, что не сумел избежать применения своего таланта в интересах насильников. Всю жизнь он стремился к эстетичности каждого действия, каждого движения, потому его связки были красивы, но безопасны, прочны, но легко переносились моделями. Он не затягивал корсет на груди до ее посинения, не привязывал конечности так, чтобы модель потом долго не могла двигаться. Мамору сам делал красивые татуировки и связывал девушек с учетом этих картинок на спинах, бедрах или ягодицах моделей.

Но теперь ему предстояло забыть о красоте и придумать, как обездвижить женские тела, чтобы ими воспользовались, как скотиной.

Мамору мог бы бежать, исчезнуть, зря эта женщина решила, что ее мордовороты-охранники способны удержать мастера, он умеет не только связывать, но и бить ребром ладони так, чтобы человек оставался обездвиженным надолго, несмотря на свой возраст, умеет бегать по стенам не хуже Джеки Чана, многое умеет. Но она все рассчитала точно: спасшись сам, Мамору погубит свою дочь, а потому он забудет об умении бить ребром ладони и будет учить садистов доставлять мучения, вернее, связывать девушек, чтобы им доставляли мучения.

Следовало ожидать, что его знаниями когда-нибудь воспользуются люди с нехорошими намерениями. Мамору понял, что никогда уже не сможет проводить уроки мастерства, вести занятия в школе, участвовать в показательных выступлениях. Он больше не мастер шибари, а преступник. Вот она расплата за совершенное давным-давно...

Мамору умел принимать жизнь такой, какая есть. Нет, он не мирился, но предпочитал не тратить энергию на борьбу с неизбежным. Только европейский писатель мог создать образ Дон-Кихота, борющегося с ветряными мельницами, в его мире такого посчитали бы идиотом. Разве не умней сначала выяснить, что за противник перед тобой и только потом доставать меч?

Но сейчас Мамору выяснить не мог, он вынужден подчиняться. Противник явно сильнее и это не ветряная мельница. Мастеру даже в голову не приходило осудить женщину за ее «бизнес», хотя он прекрасно понимал, какого рода этот бизнес. Сейчас она просто враг, перед которым нужно отступить, не ввязываясь в бой, если хочешь остаться живым. А Мамору очень хотел, не ради себя – ради дочери.

Женщине нужны десять позиций довольно простых связок, представляющих женское тело в особенно сексуальных позах? Она их получит, а потом Мамору исчезнет, сумеет спрятать дочь и никто не сможет их найти. Мастер решил, что не будет учить этих варваров, ничего не смыслящих в красоте, настоящему шибари, нет, он просто научит придавать женским телам сексуальные позы.

Такое решение заметно успокоило.

Мастер вернулся в комнату, где Тэншими уже привела себя в порядок. На ходу достал деньги из бумажника, протянул девушке:

– Возьми две недели отпуска. Отдохни как следует. У нас потом будет много работы.

– А вы?

– Мне нужно провести курс практических занятий. Не показывать красоту шибари, а научить приемам. Не хочу использовать твое тело. Потом позвоню, будем работать дальше.

Их окликнул один из оставшихся молодых людей крепкого телосложения:

– Эй, вы долго еще миловаться будете?

Мамору понял, что допустил ошибку, ведь они с Тэншими разговаривали по-японски, мало ли что придет в голову этому мордовороту?

– Я сказал Тэншими, что у нее отпуск на две недели. Надеюсь, мы справимся за это время?

Охранник кивнул:

– Надеюсь.

Ничего особенного изобретать не пришлось, именно таких связок среди простейших немало. Мастерам интересней, когда связка сложная, с множеством узлов и деталей. Просто связать, чтобы выпятились ягодички или оказались раздвинуты ноги может и начинающий, что, кстати, они и делают. Мастер получает удовольствие от самого процесса, как и модель.

Если у учеников будет плохо получаться работа с веревками, их следует заменить черными ремнями, для таких как эти большой разницы не будет, все стерпят.

Для эстетики Мамору добавил бамбуковые палки, придумал, как расположить ремни и застёжки, чтобы те указывали путь к запретным местам на теле женщины, но не давили на лимфатические узлы, отметил места, где можно приклеить одноразовые тэту и... даже остался доволен своей работой.

Поделиться бы с Тэншими, он всегда рассказывал любимой модели о своих выдумках, заражая и ее энтузиазмом, но охранники отобрали телефон, обещая вернуть, когда все закончится. Перед этим, чтобы за него не волновались, приказали Мамору позвонить всем, кого может обеспокоить его отсутствие, и сообщить о двухнедельной работе в удаленном доступе.

Мамору приказ возмутил, но выхода все равно не было, он позвонил.

Приведенные вечером красотки довольно упитаны, во всяком случае, по сравнению с изящными моделями самого Мамору. Это явно девушки по вызову, и смущало их только само связывание, но никак не то, что произойдет после.

Двое крепких молодых людей, чьим рукам предстояло перенять часть его умений, не слишком переживали по поводу причинения боли моделям. Пришлось прикрикнуть:

– Нельзя протаскивать веревку по телу, это больно!

Ученик усмехнулся:

– Потерпит, ей заплатили.

Мамору набрал воздух в легкие, чтобы выругаться, но сказал иное:

– Кожу испортишь! Будут некрасивые рубцы.

Теперь возмутилась девушка:

– Эй, мы так не договаривались!

– Ладно тебе, не ободрал же. Все в порядке.

Вообще-то, Мамору поразило то, что молодчики вязали узлы умело, они явно занимались шибару, легко понимали схемы и не задавали лишних вопросов. Откуда же тогда жестокость по отношению к моделям? БДСМ вообще и шибари особенно берегут модель, тот, кто берет в руки веревку, плетъ или еще что-то, что может причинить боль, должен быть крайне осторожен.

– Вас научили вязать узлы, но неужели вас не научили правилу не причинять боль ради боли?

– Научили, – рассмеялся Карл, – но не всем.

Помня, что для заказчицы важнее всего сексуальность позы и доступность определенных участков тела модели, Мамору именно это и поставил во главу угла. При этом он учитывал нежелание тех, кому давал уроки аккуратно работать с веревками. Пришлось, где только возможно, веревки заменить ремнями, чтобы долго не возиться и быстро расстегнуть в случае необходимости.

Заказчикам не нужна высокая эстетика, им нужен быстрый результат и минимум работы. Женские тела, оплетенные черными ремнями вместо веревки, производили нужное впечатление, задумка Мамору парням понравилась:

– Так даже лучше.

Главные элементы: согнутые в коленях ноги, перехваченные ремнями у щиколоток и на уровне икр. Их легко развести в стороны и закрепить в таком положении, используя просто кресло или стул. Тогда все, что женщины обычно прячут от мужских нескромных взоров, оказывается на виду и доступно.

Связывать руки за спиной лучше не в вывернутом положении, а сложенными друг на друга от локтя до запястья, так они меньше затекут.

– За руки не подвешивать, без надлежащего навыка можно просто вывихнуть суставы. Вниз головой тоже, не успеете вовремя освободить, может случиться беда.

– А как же подвешивать?! Они в подвешенном виде очень беспомощные.

– Подвешивать, только оплеть грудь и плечевой пояс. А лучше никак, и без того достаточно разных поз.

Он показывал.

Связывал две небольшие деревянные плашки косым крестом, укладывал на перекрестье свернутый шарф, ставил перед сооружением на колени девушку, пристраивая ее шею на импровизированную подушечку из шарфа, руки скреплял за спиной, ноги подтягивал и тоже закреплял согнутыми в коленях. Тело оказывалось в положении раком с подпоркой. Весьма эффектно и эффективно.

В той же позе на коленях и с головой на косом кресте на ноги чуть выше щиколоток укладывал бамбуковую палку, пристегивал к ней щиколотки, отводил руки девушки назад и прикреплял к палке запястья.

Сам мастер предпочел бы соски привязать тонкими веревочками к кольцам, его новые ученики сделали проще – прикрепили зажимы с колокольчиками или грузиками.

Вообще, они оказались с фантазией. Петер придумал не связывать руки сзади, а развести вперед и в стороны, чтобы прикрепить к месту упора креста.

Когда Мамору показал, как поставить красотку перед небольшой стойкой для порки, Карл тут же позу усовершенствовал. Девушку перегнули через стойку, вынудив встать вниз головой, ноги закрепили ремнями на уровне щиколоток, коленей и бедер, к ним же пристегнули плечи и руки, оказавшиеся по другую сторону стойки, голову по настоянию мастера оставили свободной, чтобы модель могла ее поднять.

– Что надо! – объявил Карл.

Мамору подумал, что каждому нужно свое...

Показывал самые простые и подходящие для них позы – руки завести под колени, запястья скрепить и соединить со связанными щиколотками, чтобы модель даже случайно не смогла ударить ногами.

Спустив трусики до колен, прикрепить их карабином к ошейнику, ноги поневоле окажутся притянуты к голове, запястья при этом прикрепить к щиколоткам. Этот вариант парням очень понравился – быстро и эффективно.

Мамору показывал и показывал, внушая себе, что это вовсе не шибари, что эта глупость не имеет к его мастерству никакого отношения. Ученики смотрели, повторяли сами, щелкали мобильниками, запечатлевая позы с разных сторон.

После сеанса одна из девушек подошла к Мамору вплотную и потерлась о его плечо голой грудью, промурлыкав:

– А мне понравилось... свяжете еще?

– Нет! – отрезал мастер. – Завтра будут другие модели.

Девушка, обидевшись, отошла, а к Мамору шагнул сегодняшний ученик:

– Кто это тебе сказал, что моделей заменят?

– Нельзя так часто подвергать девушек сильным физическим воздействиям и эмоциям. Это опасно. – Мамору с трудом сдерживался.

– Ты кого жалеешь, их? Они отработанный материал. К тому же видели не такое... Она же сказала, что понравилось.

Мамору просто покорило отношение к моделям, как к скотине, а к самому шибари, как к средству обездвиживания этой скотины.

Чтобы успокоиться, снова сел за рисунки и придумал еще несколько схем, но не для своих тюремщиков, а для себя и Тэншими. А потом нарисовал еще несколько красивых татуировок со значением.

Это было творчество, а оно всегда помогало восстановить душевные силы.

Модели на следующий день действительно были те же. Они выглядели слегка помятыми, вымученно улыбались и были попросту сонными. Очень трудно работать, когда от модели нет отклика, когда она просто подчиняется, но еще хуже, когда вялая. Ни один мастер такого делать не будет.

Но Мамору не позволили увильнуть:

– Плевать, сонные они или нет. Ты показывай, как связывать.

Он показывал. Просто технику, о какой эстетике в таких условиях могла идти речь? Но ученикам и даже самим моделям нравилось, одним вид, который приобретали фигуры девушек, вторым то, что с ними делали в процессе связывания и после. Понятно, что, получив совершенно беспомощную красотку, ученики Мамору не упускали возможности обработать ее «для проверки удобства», как сказал один из них.

В очередной раз глядя, как пристраивается к связанной девушке тот, которого называли Петером, Мамору поморщился: едва ли бедолагам позволят вернуться к той жизни, которая была до прихода сюда, слишком много они видели и знают.

От этой мысли стало не по себе. А ему самому? А Тэншими?

– Я должен позвонить. Совершенно забыл еще об одном друге, который действительно может забить тревогу, если я не позвоню.

– Давай телефон своего друга, мы перезвоним.

– Нет, он должен слышать мой голос, иначе запаникует.

– Хорошо, ты будешь говорить, но наберу я и со своего.

Что-то в голове и тоне охранника Мамору не понравилось совсем, он упрямо мотнул головой:

– Я что в тюрьме или под замком?

Тот удивился:

– Конечно. Так ты будешь звонить?

– Вас не учили быть вежливыми со старшими?

– Чего?

– Например, обращаться к людям на вы?

Охранник усмехнулся:

– Я обращаюсь, но не ко всем. Будем звонить?

– Да.

Мамору продиктовал по памяти телефон Тэншими, надеясь, что сумеет предупредить ее по-японски, чтобы поскорей уезжала.

Набрав номер на клавиатуре, охранник расхохотался:

– Своей сучке позвонить решил? Зачем? Она занята...

– Что?! Чем?

– Доставляет удовольствие богатеньким. Красивая девочка и терпеливая. На нее большой спрос. Ее вчера связали твоим способом, подвесили, так пятерых легко выдержала, ни слезинки не проронила.

Мамору даже не задумался над тем, что делает, ладонь правой руки резким движением перебила кадык говорившему, он захрипел и повалился с широко раскрытыми глазами, хватая ртом воздух.

Мастер умел многое, он мог перебить шею, поломать кости, сломать позвоночник врагу, но не мог поймать на лету пулю, как показывают в фильмах. Пуля слишком быстра и смертельно опасна для того, в кого попадает.

Следом за убитым охранником упал и Мамору.

Жизнь медленно утекала из тела мастера, потому он слышал, как завизжала одна из подопытных красоток, а следом матерился Карл:

– Ты... что сделал?!

– Нужно было ждать, пока он перебьет горло всем по очереди?

– Ладно, Карл, успокойся, – заступился за охранника Петер, – основному мы научились, а схем у него осталось вон сколько. Сами справимся.

В угасающем сознании Мамору вяло протекла мысль, что плодами его творчества воспользуются недостойные люди...

Это было последнее, что он подумал.

Через пару часов они объяснялись уже с хозяйкой. Оправдания были такими же: мастер стал неуправляем, жалел девок, пытался позвонить, а потом и вовсе напал на Саймона, убив его. Невелика потеря, оставленных схем достаточно, чтобы работать самостоятельно.

– Мы со всем справимся, а он уже надоел со своими соплями.

– С чем?

– Все время требовал поберечь девок, им же больно, мол.

– От связывания больно?

– Нет, веревку нужно протягивать осторожно, чтобы кожу не портила, обращаться бережно...

Женщина сидела, покусывая губу и задумчиво глядя перед собой, потом кивнула:

– Это используйте в работе.

– Что «это»?

– Будете обращаться осторожно, чтобы клиент оценил хрупкость женского тела, а потом путь рвет его на части.

Петер только недоверчиво хмыкнул:

– Правда же попортятся.

– Это не девушки по вызову, они не должны работать годами. Это особо дорогой случай, потому и тэту будем делать, чтобы выглядело шикарно. Поняли? И вас в порядок придется привести.

– В чем? – недоверчиво покосился теперь уже Карл.

– Маникюр, хорошая стрижка, массаж и прочее.

– В маске же не видно.

– Чего не видно, заусенцев на твоих пальцах? Или того, что ты вчера не принимал душ? Будете работать только с этими девушками, а значит, с дорогими клиентами, потому никакого пива или простых девок!

– А тэту кто делать будет?

– Есть у меня мастер, но вас это не касается. – Женщина затянулась, выпустила колечко дыма и сделала знак, чтобы парни удалились.

Петер все же добавил:

– Просто у меня есть знакомый, классно и тэту, и пирсинг, и прочие штучки делает.

Последовал знак вернуться.

– Что за мастер? Ширпотреб?

– Нет, он дорогой. У него свой салон.

– Такие меня не интересуют.

– Работает легально, но еще больше нелегально. За деньги что угодно и кому угодно сделает и вопросов не задаст.

– Хорошо, покажешь. Как его зовут, возможно, я тоже знаю?

– Николас, – вздохнул Петер, прекрасно понимая, что теперь хозяйка сможет найти мастера и сама, и его собственные услуги больше не понадобятся.

Она рассмеялась:

– Нет, не знаю. Покажешь.

Глядя вслед ушедшему Петеру, женщина усмехнулась. Даже если бы этот Николас был ее собственным соседом, связываться с мастером лично не стала никогда, это опасно. Недаром она живет в одном городе, легальный бизнес держит в другом, а нелегальный... о, этот бизнес по всей Европе и щупальца протянул даже в Азию и Африку.

При этом одна из ее групп не подозревает о другой, помощники не знают ни ее настоящего имени, ни того, под каким именем она известна остальным, ни того, как она в действительности выглядит. Доходило до нелепостей, когда одна группировка предлагала уничтожить другую, считая их конкурентами. Тогда Лисбет (так ее называли только здесь, а еще Марианной, Этель, Лорен, Кристи и Линдой) поделила сферы влияния между ними, чтобы свои же не сталкивались. Теперь каждая занимается отдельным направлением, и интересы не пересекаются. Если появляется конкурент, то Лисбет (Марианна, Этель... Линда) находит способ насолить этому наглецу, используя всю мощь.

Она ни за что не справилась бы в одиночку, каждым направлением бизнеса заведовали умнейшие и сильнейшие (а еще очень жестокие) люди, женщина просто координировала работу и определяла ближайшие перспективы.

Существовали всего несколько человек, знавших, кто она в действительности, но и они не ведали масштабов деятельности многоликого чудовища. Догадаться могла только одна – владелица крошечной гостиницы, где и происходило преображение, все номера гостиницы, которых только семь, занимали женщины, очень разные женщины... Эти постоялицы никогда не бывали дома одновременно, хотя свет там горел каждый вечер, включался, когда становилось темно, выключался в полночь, в ваннах лилась вода... Если бы кто-то поинтересовался гостиницей, то создалось впечатление, что там живут привидения семи женщин.

Однако владелицу это нисколько не смущало, она приветствовала входившую даму, прощалась с уходившей, вызывала такси или машину по специальному номеру телефона, желала доброго утра или покойной ночи и молчала.

Шесть образов чудовища пока надежно укрывали Лисбет (придется называть ее так) от внимания полиции и конкурентов тоже. Никому не приходило в голову, что громаднейшим преступным синдикатом руководит женщина просто потому, что никто не подозревал, что это синдикат, а не отдельные преступные группировки.

Существовал и седьмой образ, но был совсем неизвестен членам синдиката. Встретив хозяйку в таком виде, даже ближайшие помощники не узнали, но она не рисковала показываться даже умеющим держать язык за зубами.

В голливудских фильмах глав мафиозных групп после «Крестного отца» изображают не иначе как отцами многочисленных семейств, чада которых сначала не желают идти по пути предка, а потом значительно превосходят его в жестокости, либо как мрачных одиноких личностей, ведущих исключительно ночной образ жизни при свете тусклых ламп и в окружении дюжих тупоголовых охранников.

Однако стоит герою или героине вступить в неравную схватку с десятком таких до зубов вооруженных лбов, как это неравенство вдруг оказывается не в пользу охраны. Мрачные мачо стоят и ждут, когда же их ухлопают, поднимая руку с пистолетом только после того, как героиня уже произведет два десятка выстрелов (кстати, не из мощного 20-тизарядного «бизона», а из дамского браунинга, легко помещающегося в крошечном клатче, а потому имеющего в магазине всего 7 пуль).

После смертельных ранений тренированные тела падают на землю как спелые плоды с дерева и ловко откатываются в сторону, укрываясь от пуль за чем угодно, вплоть до тушки собственного хозяина.

Но Лисбет не имела охраны не потому, что не желала оплачивать бесполезных идиотов, несколько мордоворотов были и у нее тоже, но они понятия не имели, кого охраняют. Женщина вполне резонно считала, что лучшая охрана не бесполезная вооруженная толпа без интеллекта (где найти умных людей, готовых подставлять себя под пули даже за деньги?), а скрытность. Вернее, найти-то можно, но если охранник умен, то он сумеет вычислить и ее саму, а это опасней любого нападения. Поэтому Лисбет держала при себе пару тупиц с мускулами и часто их меняла. Отставленные ничего никому рассказать не могли.

Вообще-то, одного водителя и одного открывающего двери хватало. Одно дело, когда за улицей следит всего лишь водитель, но совсем иное если у входа выстраивается шеренга, призванная от чего-то защитить (как можно защитить от пули киллера?). Это сразу привлекает внимание и усиливает опасность.

Нет, Лисбет защищалась методом хамелеона – меняя окрас так часто, как это необходимо. Но главное – она никогда не общалась с членами своих группировок и не знакомила их между собой. Меньше знают – дольше живут. Связь с каждой группой осуществлялась через одного человека, и оборвать ее могла любая мелочь.

Но Лисбет это не смущало, такое уже бывало, она теряла связь с группой, та становилась мало управляема, и группу приходилось уничтожать, подставляя либо конкурентам, либо полиции. Жестоко? Конечно, но разве может существовать дело, подобное тому, каким занималась Лисбет, без жестокости?

Ее мало волновал моральный аспект деятельности, и даже доходы не очень, важнее было чувствовать себя пауком в центре огромной паутины, причем так, что никто не догадывался, что это за паутина и что она в центре. Если бы спросили любого из ее связных кто она такая, сказал бы, что тоже связная, выполняющая надзор за их группой.

Лисбет охраняли не вооруженные до зубов и тренированные тупицы, а ее собственная хитрость, и эта охрана куда толковей. Лучше не перестрелять врагов, а сделать так, чтобы враги не догадались, что уничтожать нужно именно тебя. Лисбет это удавалось.

Встреча с мастером Мамору – редкий случай, когда она сама решила посмотреть на человека, которого привлекала. Это означало, что смертный приговор ему подписан, только исполнение отсрочено. Конечно, сам мастер об этом не должен догадаться.

А с Николасом, делающим великолепные тату и оригинальный пирсинг Лисбет встречаться не будет, исчезновение мастера тату, известного в Стокгольме, привлечет ненужное внимание. И без известных мастеров найдется кому разрисовать спины и задницы девушек. И вообще, она едва ли станет прибегать к качественным тату, это стоит дорого, татуировку трудно и долго удалять, она слишком приметна, к тому же требует немало времени на само заживление, а это ненужный расход.

Нет, достаточно одноразовых. Пусть пользуются девушками со смываемыми татуировками, только нужно позаботиться об их качестве, закреплять, чтобы не слезала клочьями прямо во время свидания.

Размышлять о Мамору или делающем татуировки Николасе Лисбет некогда, внимания требовало другое направление.

Из-за резвости полиции она вынуждена перевести из Стокгольма забор донорских органов. Впрочем, это следовало сделать давно, слишком опасно долго оставаться на одном месте, покупка больших запасов донорской крови уже привлекла внимание любопытных. Хорошо, что эти любознательные пошли по ложному следу, но береженного бог бережет, Лисбет предпочла сменить место действия. Конечно, это новые вложения и новые хлопоты, но лучше потратиться и подсуетиться, чем сидеть в наручниках перед судьей.

Ее помощники люди толковые, они согласились не рисковать и покинуть ставший него-степриимным Стокгольм. К тому же на юге Италии климат лучше...

Новая клиника уже начала работать, врачи те же, материал поставляют из соседней Албании, а откуда в саму Албанию, ее не интересовало, главное, чтобы нужные органы были здоровы.

Лорен (так ее звали в этой группе) предстояло решить несколько вопросов на месте, для этого пришлось отправиться в Италию. Она никогда не добиралась сразу до места, брала билет до суматошного Неаполя, там пересаживалась на машину и ехала через Бари, хотя в Бари свой аэропорт. Ни к чему рисковать.

У Неаполя есть один огромный минус – здесь вечные, неисправимые, неуничтожимые, немыслимые пробки. Машины не столько движутся, сколько сигналият и стоят. Решив в следующий раз выбрать другой аэропорт, например, Бриндизи, Лорен постаралась отключиться от звука автомобильных клаксонов (итальянцы просто не способны спокойно стоять в пробках, они убеждены, что автомобильные гудки или выкрики ускорят движение) и занялась изучением материалов, которые захватила с собой. Удивительно, но они ни в какой мере не касались ее подпольного бизнеса, это были научные работы, посвященные необычным способам повышения потенции – методики африканских племен, американских аборигенов, китайские, тибетские и прочее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.